

A romantic illustration of a prince and princess in a magical setting. The prince, on the left, has dark hair and a beard, wearing a white military-style jacket with gold epaulettes and blue breeches. He is holding the princess. The princess, on the right, has extremely long, flowing hair that transitions from brown to blue and purple, with sparkling particles. She wears a shimmering, off-the-shoulder gown. They are standing in front of a large, ornate wrought-iron gate. Above the gate, a balcony is draped with green vines and purple flowers. In the background, a castle with towers is visible under a twilight sky with a large, glowing moon and falling star-like particles. The overall color palette is dominated by purples, blues, and golds, creating a dreamlike atmosphere.

ЕЛЕНА ЛОВИНА

ПОЦЕЛУЙ И ПРОКЛЯТИЕ
В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

Елена Ловина

Поцелуй и проклятие в одном флаконе

<https://litres.ru/74221657>

Аннотация

У принцессы в академии Сердца Колей всего две миссии: не посрамить всех своих родственников, кто здесь учился, и каждый год на турнире дарить свой поцелуй победителю. Я умудрилась провалить обе миссии с один момент – от моего поцелуя победитель превратился в камень... а потом еще один. И никакого спасения от этого проклятья. Теперь все молодые люди обходят меня стороной, кроме одного - он потребовал мой поцелуй в последний год, когда я завершала обучение. И поцеловал. И в камень не превратился. А вот я...

В книге вас ждет: ♀#Проклятье – одно или два, но проверять желающих не было; Поцелуи – этих больше; Героиня – в шоке, но уже приходит в себя (бойтесь!); Герой – в недоумении (он такого точно не ждал); Совместное путешествие – лишь бы не прибить друг друга по дороге; ХЭ – смотри пункт выше.

Полностью самостоятельная история.

Содержание

Пролог	4
1	9
2	12
3	16
4	21
5	24
6	28
7	32
8	36
9	41
10	47
11	52
12	57
13	62
14	67
15	72
16	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пролог

Я стояла на платформе, увитой по периметру розами и клематисами, и смотрела, как по ступеням ко мне поднимается лучший выпускник нашей академии. Высокий, широкоплечий, кареглазый брюнет с непослушной челкой, так и спадающей на лоб, и неожиданно озорной улыбкой, которая не вязалась с суровостью во взгляде.

Мне не нужно было поворачивать голову, чтобы понять, как женская половина академии, от студенток до преподавателей, томно вздыхает по таинственному и неуловимому Матиу Гранах, не сбывшейся мечте любой девушки.

Его поступь была решительной и быстрой, словно он еще не отошел от сражения, что происходило на поле среди выпускников академии. И, что будоражит больше, словно он не на учебном полигоне сбивал сокурсников в полете, а на самом настоящем бранном поле, и сейчас к моим ногам прикатится голова настоящего дракона, принесенная им в качестве трофея. Брррр.

Я встрепенулась, скидывая наваждение, и тут же вновь попала под гипнотический взгляд, который удерживал мое внимание с того момента, как Матиу направился к платформе за своей наградой.

– Принцесса Сердца Колей, – проговорил мужчина, преклоняя передо мной колено и целуя подол моего платья, –

разрешите ли озвучить свое желание?

От всех его действий веяло мощью, неуловимой, неясной, словно за внешностью студента академии, моего ровесника, прячется кто-то другой, нездешний. Это будоражило и пугало. Вызывало желание ответить «Да!» незамедлительно, не думая о последствиях и о самом желании, которое могло принести либо проклятье, либо жестокое разочарование.

От подобных ощущений вело голову, а мысли улетали в какие-то чувственные и смелые мечты, что не к лицу юной жеалетт, а уж принцессе тем более. Такому мужчине я бы с радостью подарила свой поцелуй..., но, к сожалению, этому не бывать!

Почувствовав, как подаюсь вперед, навстречу победителю, я опомнилась и едва не отшатнулась. Я чуть-чуть не продемонстрировала слабость перед толпой зевак, которые только и ждали, как очередной победитель опозорит меня, выбрав земли или должность при дворе вместо традиционного для Сердца Колей поцелуя.

Собратся! Взять себя в руки! Не смей мечтать!

– Извольте озвучить свое желание, лучший выпускник академии Жилы ветров, – я подивилась, сколько надменности и холодности в моем голосе, но это даже лучше, чем показать свое сожаление перед жадными до сплетен взглядами.

– Я желаю получить ваш поцелуй, принцесса Шивонн, – словно гром среди ясного неба прозвучал ответ, и над стадионом стало просто до рези в ушах тихо.

– Что?!

Мой писк едва ли услышал Матиу – я сама его не услышала, – но, тем не менее, пожелание он повторил.

– Я желаю получить ваш поцелуй, принцесса Шивонн, – и круглый зрачок вдруг вытянулся в веретено, добавляя мне мурашек страха и отчаяния. Что с его глазами?

– Матиу Гранах, – обратился к мужчине ректор, что стоял за моей спиной и тщательно следил, чтобы соблюдались древние традиции Сердца Колей, но при этом не пострадал ни один из учеников академии, – вы всего лишь месяц учитесь в нашей академии, и, должно быть, не знаете, что поцелуй принцессы Шивонн не способен перенести ни один смертный, поэтому королевский двор и предлагает победителю выбор.

Ректор простер руку в сторону от нас, где на столе, застеленном алым бархатом, лежали дарственные на землю, гранты на исследования, патенты, договора на службу при королевском дворе.

Мне было горько смотреть на призы, что предлагались взамен моего поцелуя, но, вспоминая первые два года, когда я стояла на этом же помосте, а победители еще не знали, что их ждет, я резко себя одернула и вскинула голову: не время себя жалеть.

– Я желаю получить ваш поцелуй, принцесса Шивонн! – в третий раз пророкотал победитель и, встав с колена, решительно шагнул ко мне.

Вокруг стало еще тише, хотя, как это возможно – непонятно, а я с трудом подавила в себе желание сбежать, и при этом удивительно упорно пялилась на губы мужчины, которые приближались решительно и неумолимо, как неумолимо и решительно их обладатель побеждал в сражении несколько минут назад. Я же, словно кролик перед удавом сама начала тянуться ему навстречу, а внутри все сжималось от страха и предвкушения, а затем снова накатывал страх.

– Я ела чеснок! – пискнула из последних сил, когда ощутила на губах его горячее дыхание. – Целую головку съела!

– Я тоже его ел, принцесса, – ухмыльнулся мужчина и снова полыхнул своими сузившимся зрачками. – Не переживайте – мы надолго запомним этот поцелуй. Вместе!

А потом мои губы смяли жестко, почти болезненно, словно клеймили и наказывали за что-то, а когда я всхлипнула, попытавшись отстраниться, мужские губы вдруг стали трепетными, осторожными, такими нежными, что внутри меня закрутились горячие вихри, а голова стала совершенно пустой и звонкой, хоть ветер гуляй.

Широкая ладонь легла на мой затылок, не давая упасть или вывернуться, а вторая опустилась на поясницу, притягивая ближе, вжимая в каменные мышцы, выбивая воздух из груди.

– Ах..., – смогла я прошептать, глотая живительный воздух и мечтая о продолжении.

– Ох! – пронеслось над стадионом и показалось, что звук

этот был полон отчаяния.

Я в ужасе посмотрела на мужчину, ожидая увидеть, как его голова, а за ней плечи, руки, тело каменеют за пару мгновений, как это было четыре и пять лет назад, но увидела лишь ответный ужас в глазах, где пульсирующий зрачок растекался на всю радужку. И в этом черном круге я недоуменно наблюдала, как исчезает мое отражение.

– Стоять! Ни с места! – королевская стража вмиг окружила нас с Матиу, направляя на мужчину острие не менее десятка сабель. – Вы арестованы за причинение смерти принцессе королевской крови!

Как странно они называют убийство.

Стоп! Я что – умерла?

Ну, уж нет, не ждите!

Статья в «Сенсации Сердца Колей», первая полоса.

Сенсация!

Невероятная смерть принцессы Сердца Колей, Шивонн Сианорской, четвертой племянницы короля Лурии, Варрасии и Сианоры Варанна Великого на глазах у пятидесяти тысяч свидетелей!

Проклятый поцелуй принцессы обернулся против нее!

Никто не знает, куда исчезло тело!

Кто виноват? Бывшая соперница или отвергнутый жених?

Что говорит Полуночная ведьма Нимесийского леса?

Какую казнь применит король Варанн Великий к виновным?

Все об этом невероятном событии читайте в следующем выпуске! А сейчас кратко о древней традиции Сердца Колей.

Сердце Колей – независимая территория, на которой проживают и обучаются представители разных рас и миров. Свой статус она получила благодаря преданности и верности королям Варрасии, чьи представители на протяжении веков обучаются именно в этой академии.

Все девушки, принадлежащие как к правящей ветви королевского рода, так и к младшим ветвям правящей дина-

стии, при поступлении в академию получали на время учебы титул «принцесса Сердца Колей». И все «принцесс Сердца Колей» на ежегодных турнирах среди лучших выпускников академии дарили свой поцелуй победителю.

Шесть лет назад на ежегодном турнире Шивонн Сианорская была представлена как следующая принцесса Сердца Колей. Ее поцелуй выбрал лучший из победителей пятилетия, Юнатан Старракс, однако Шивонн Сианорская воспользовалась своим правом и отказала, чем спасла жизнь молодому дракону.

Ровно через год поцелуй принцессы Шивонн Сианорской, доставшийся по праву победителя Ваффору Дарриту, передал молодому человеку проклятие «несокрушимой скалы». Проклятье снять не удалось, и статуя Ваффора Даррита ежегодно выносится на платформу в качестве предостережения следующим победителям турниров.

В качестве альтернативы король Варанн вместо поцелуя принцессы ежегодно предлагает победителям выбрать более весомую награду: земли, драгоценности или артефакты, исполнение немагического желания. Следующий победитель турнира благоразумно выбрал должность при королевском дворе.

Однако не все вняли предостережению, и три года назад Грант Старракс, младший кузен Юнатана Старракса, не отказался от поцелуя принцессы, получил проклятье «несокрушимой скалы», и теперь его статуя наравне со статуей

Ваффора Даррита украшает постамент для предостережения и устрашения победителей, дабы не рисковали собственной жизнью.

Сегодня мы все убедились, что меры устрашения были недостаточными, и очередной победитель выбрал «престижный» поцелуй принцессы. Кто этот отчаянный смельчак выяснить пока не удалось, так как тайная служба тщательно скрывает все сведения о победителе турнира.

Единственное, что мы о нем знаем, это что он дракон, прибыл переводом из академии королевства Маэрата, ему двадцать два года и его имя Матиу Гранах.

И все эти сведения – ложь от первой до последней буквы, предоставленная ректору академии самим «Матиу Гранахом».

Кто этот таинственный молодой дракон – мы не знаем, но наши работники продолжают искать о нем сведения во всех архивах.

Больше о деле принцессы Шивонн Сианорской читайте завтра в свежем выпуске «Сенсации Сердца Колей»!

Король Варанн Великий, территория Сердца Колей.

«Сенсация!» – в третий раз перечитал король Варанн и со злостью испепелил новостной листок.

– Как они смогли так быстро это опубликовать? – рычал мужчина на своего секретаря и мерил широкими шагами тесный кабинет ректора академии. – Кто им выболтал информацию?

– Свидетелей было предостаточно, Ваше Величество, – секретарь, высокий сутуловатый мужчина с непроницаемым лицом говорил ровно и невозмутимо, словно событие, взволновавшее короля и все миры вокруг Сердца Колей, было всего-навсего рядовым происшествием. Не стоило оно королевских нервов.

– Да, я видел – пятьдесят тысяч! Подумать только! – король остановился и принялся обшаривать взглядом кабинет, выискивая предмет, который достойно вынесет очередную вспышку гнева и благородно истает в огне, чем ненадолго успокоит поистрепавшиеся нервы Его Величества. Лаконично обставленный кабинет ничего предложить не смог, даже черновики на столе не имелось. Проклятый педант – этот ректор.

– Действительно, очень много свидетелей. Два года на-

зад, когда Грант Старракс во всеуслышание протрубил на все соседние миры, что получит поцелуй Вашей племянницы и останется жив, некоторые особо охочие до сенсаций сидели на плечах у других. В тот день статистика докладывала, что на стадионе насчитали десять тысяч.

Сторонний наблюдатель, не знакомый с секретарем короля, мог подумать, что мужчина иронизирует, но это был бы чистой воды поклев – серьезный мужчина на высокой должности не имеет права проявлять эмоции. И тем не менее даже король, знающий своего помощника почти два десятилетия, с подозрением воззрился на него.

– Ваше Величество, – секретарь тем временем открыл дверь кабинета и торжественно объявил, словно находился в главной резиденции короля в Лурии, а не в академии в чужом кабинете, – ваш кузен, герцог Сианорский.

В кабинет вошел высокий черноволосый мужчина, сдержанно поздоровался и тут же начал говорить, отвечая на те вопросы, которые вертелись у короля на языке, но из сострадания к кузену он не решился первый их задавать – и так видно, чего стоили эти несколько часов его брату.

– Она жива! Милена это подтвердила. Она вместе с близнецами провела ритуал общей крови, так что сомнений нет – Шивонн жива и вполне здорова. К сожалению, больше ничего сказать не могу.

Король Варанн выдохнул облегченно и решительно обнял кузена, скупно похлопав по спине и плечу, пытаясь хоть так

продемонстрировать свою поддержку.

– Как Милена?

– Теперь, когда самое страшное позади, намного лучше. Но, Варанн, если мы не найдем Шивонн в ближайшее время, то и она, и я – мы вместе обратимся к Полночной ведьме.

Король напрягся, готовый взорваться гневными ругательствами, которые не никогда не мог сдержать на протяжении десяти лет, с тех пор как подруга детства и по совместительству Полночная ведьма Нимесийского леса объявила ему, что ее преемницей станет «принцесса Сердца Колей». В ту пору у Варанна еще и детей-то не было, но упорное желание защитить всех девушек своего рода от прозябания в Нимесийском лесу всколыхнуло внутри такую бурю протеста, что до сих пор штормит. Особенно бушуют эмоции, стоит представить, что лет через восемь его старшая дочь по традиции отправится учиться в академию, а за ней и младшие подтянутся.

– Сейчас приведут этого, чтоб его боги за хвост вздернули и по небу пошвыряли, победителя, потребовавшего от твоей дочери поцелуй, и мы все выясним, – решительно взяв себя в руки, ответил король. – Никто в здравом уме третий раз не полезет в проклятье, которое до него поразило двоих. Он явно был защищен! Я его сам пытать буду, пока он не скажет, кто его на это надоумил, и куда он дел нашу девочку.

Герцог Сианорский только кивнул в ответ, а сам отметил для себя, что брат сделает все возможное и невозможное,

лишь бы никто из рода не стал следующей Полуночной ведьмой. Король, видимо, очень боится, что за Шивонн придет черед и кого-то из его дочерей.

– Ваше Величество, – всегда невозмутимый и собранный секретарь вернулся в кабинет и остановился у двери в ожидании разрешения говорить. Никто не смел прерывать беседу короля, когда тот общался с родственниками, но, видимо, известие требовало немедленного вмешательства.

– Говори.

– Он сбежал...

Шивонн, несколькими часами ранее, стадион Сердца Колей.

– Подожди, вот здесь еще поправить нужно, – неслась по моим следам лучшая подруга Марьям, рыжая озорная хохотушка, способная заставить смеяться всех и каждого, но не когда дело касалось ее призвания.

Вместо того чтобы остановиться, я ускорила шаг, но все равно пришлось встать перед закрытыми массивными дверями, за которыми гудел стадион академии. Я несколько раз вдохнула и выдохнула, чтобы унять заполошное сердце, сжавшееся в горошину от страха и обреченности.

– Собрались, стервятники, – гудела тем временем Марьям и поправляла мои локоны, сверкающие от магии серебром и ночными звездами, и платье, которое струилось невесомым шелком и походило на снежное полотно, отражающее яркое солнце.

– Может, они пришли посмотреть на турнир, – неожиданно, захотелось заступиться за тех, кто сейчас находился на трибунах стадиона, ну, и немного подначить подругу – в такие моменты Марьям становилась похожей на раздраженную тигрицу, готовую вцепиться в первого, кто попадется под ее тяжелую руку.

– Ты сама в это веришь? В твой последний день в академии? Когда может случиться так, что на турнире какой-нибудь участник получит по голове триумфом, и от тщеславия у него протечет чердак, и он потребует поцелуй вместо награды?

– Считаешь, что все ждут, что я кого-нибудь поцелую, и он превратится в камень? У меня-то чердак пока не протекает.

– Это недолго устроить, – отмахнулась подруга и, отойдя на пару шагов, скептически принялась осматривать меня с ног до головы. Видимо, мой вид ее удовлетворил, потому она продолжила. – Представь, победит тот таинственный красавчик, Матиу Гранах.

За месяц, что этот парень учился в нашей академии, я столько про него слышала: и умен, и статен, и силен, и красив, и благороден, и... дракон. Слышала, но ни разу не пересекалась, а подруга где-то успела его лицезреть и вот теперь с придыханием произнесла его имя. Даже интересно стало посмотреть на таинственного дракона.

– И что, по-твоему, я упаду к его ногам и буду молить: «Целуй меня, о, великий победитель!»?

Подруга достала из прически длинную, тонкую спицу, украшенную на конце цветком из изумрудов, и принялась ею чесать спину, старательно запихивая за корсет. И при этом стонала от удовольствия так, словно пошлые книжки озвучивала.

– Марьям! – я сделала круглые глаза, указывая взглядом,

что к нам идут ректор с супругой. Подруга тут же вернула спицу в прическу и придала лицу самое невозмутимое выражение, на которое была способна. Зря – ее родители все успели увидеть и услышать еще в самом начале коридора.

– Какое бесподобное платье, Шивонн, ты просто сияешь, милая, – проговорила жеала Колетт, мягко мне улыбаясь, при этом на дочь кидая самый суровый взгляд, на который была способна. На уроках от такого взгляда даже боевики тушевались и теряли дар речи. И беспрекословно шли передавать этикет, который вела жена ректора.

– Это все работа Марьям, – сдала я подругу, – я бы одела красное.

– И была бы как тряпка для агрессивного быка? – ректор тоже оглядел меня строго, словно пытался не только охватить образ целиком, но и забраться в мысли, ощутить признаки надвигающейся паники. – Так намного лучше. Ты выглядишь хрупким и невинным цветком, неспособным все те ужасы, что тебе приписывают сплетницы. Молодец, дочь, разумное решение, хвалю.

Марьям от похвалы потеряла дар речи и даже рот открыла, чтобы сказать слова благодарности, да так и осталась стоять с упавшей челюстью, пока жеала Колетт аккуратно не вернула все на место.

Ректор тем временем принялся рыться за отворотом черного мундира, расшитого золотыми витиеватыми литерами, словно на нем пытались вписать весь устав академии. До-

стал он какой-то шелушащийся корнеплод, издававший специфический, но довольно узнаваемый запах. Чеснок?

– Вот, недавно вывели в нашей оранжерее. Называется «поцелуй Ши».

Меня передернуло. Это ж надо додуматься назвать чеснок моим именем. И ведь посыл понятен – сшибает с ног не хуже моего поцелуя. Похоже, почти насмерть.

– Думаете, если я его съем, то он начнет бороться с проклятьем? Или отпугнет даже тех желающих, у кого, как говорят в академии, протекает чердак.

– Фу, Шивонн, какой моветон! – возмущенно фыркнула жеала Колетт и, забрав у ректора шелушащуюся головку, швырнула ее в урну. – Чердак протекает – это слишком грубо. В светских разговорах нужно заменить эту фразу на «немного не в себе» или «под эйфорией победы».

Мы с Марьям переглянулись и едва сдержали смешки – жеала Колетт даже в столь нервной обстановке не упустит возможности преподать урок этикета.

– Это в светской беседе, дорогая, – ответил ректор супруге и протянул мне рук (на стадион мы выйдем вдвоем), – а здесь мы все свои, и «протекает чердак», я бы сказал, слишком мягко будет по отношению к тому безумцу, который решится повторить подвиги Даррита и Сарракса. Готова?

Вопрос был обращен ко мне, и я ощутила, как колени нервно принялись трястись, а желудок вдруг снова сжался и сбежал куда-то вниз вместе с сердцем и смелостью. Хоте-

лось сказать «нет!», но в этот момент массивные двери открылись, и на нас обрушился гул тысяч голосов и аплодисменты, от которых зазвенело в ушах.

Выдох! Шаг! Голову выше! Не дождетесь!

Лица на трибунах сливались в одно сплошное кричащее пятно, бьющее по нервам, словно стальной клинок по стеклу. И не одного сочувствующего взгляда. И как они быстро сменили свое настроение. Пять лет назад эти же лица призывали уничтожить меня за тот поцелуй, что превратил Ваффора Даррита в каменную статую. Даже готовы были штурмом брать стены академии, где меня в тот момент уже не было – дядя, словно предчувствуя, схватил меня, как котенка за шкурку и впихнул в портал.

Только покаяние той недоучки шаховой, которая лицемерно лила слезы перед толпой, и клялась, что это у нее случайно получилось, немного умерило пыл недовольства толпы.

– Я случайно! – рыдала Нино Киас и заламывала руки. – Она принцесса, красивая, богатая, знатная – у нее все есть! Зачем ей понадобился мой Луис? Это было в порыве гнева – я просто сказала: «Чтоб твои поцелуи боялись!» и все, а оно вон как вышло.

И ей верили. А рядом топтался растерянный Луис, который всем своим видом говорил, что его просто Бездна попутала, что он на принцессу засмотрелся, а на самом деле он любит свою Нино глубоко и преданно.

Женщины вытирали слезы, жалели Нино, тихо осуждали

Луиса, а я стала разлучницей, которой досталось по заслугам. Наконец-то, хоть кто-то отомстил за сотни измен, что тщательно скрывались от посторонних глаз.

А я стояла рядом и ошарашенно хлопала ресницами, потому что в кабинете ректора эта злыдня пела совсем по-другому, да и признавалась в другом преступлении. А перед дядей Варанном уже ректора обвиняла, что он на нее надавил, и она призналась в том, чего вовсе не совершала, и перед людьми правду открыла, чтобы ее честно судили, непредвзято.

Король наш зубами скрежетал, а сделать ничего не мог – толпа переметнулась на сторону Нино и роптала, готовая вновь взорваться. В этой толпе было слишком много подданных других королевств, нейтральных до первой ошибки Варанна.

А на самом деле версии «для людей» и для ректора «немного» отличались. Луис положил глаз на одну из студенток. А Нино решила ее проклясть, причем так, чтобы непременно было показываться на глаза молодым людям, которых уже застолбили, навечно. А так как Нино училась на пятом курсе факультета проклятий, то случайно проклясть она никак не могла – у всех студентов академии стоит защита от спонтанно вылетевших фраз проклятийцев. Так что месть свою Нино готовила с толком, вплетая в формулы отмычки, чтобы снять защиту, а потом вернуть ее на место. Только проклятье готовила недолговечное – по всем правилам, что-

бы и снять можно было, и отменить, и исправить. Как учили на факультете.

Ту девицу спасла банальная простуда, которая ходила по академии в начале зимнего периода, – она слегла с температурой, потом ту же хворь подхватила и сама Нино, затем Луис. В общем, все бы забылось и прошло, если бы не одно но: служба безопасности академии доложила ректору, что обнаружила следы несанкционированного ритуала. По всей академии пошли проверки, и Нино запаниковала.

Если бы она пришла ректору и повинулась, то ее, конечно, наказали, но не сильно, ведь проклятье смогли бы нейтрализовать еще до того, как оно внедрилось в ауру другого. И даже после можно было бы все исправить, не замечай Нино свои следы так, словно от казни спасалась. В общем, паника как лишает людей разума, так и навеивает странные и абсурдные мысли. Нино решила, что спрятать проклятье в ауре родственника короля очень хорошая идея, и никто не свяжет обычную студентку с королевской особой – будут искать среди недругов дяди Варанна и отца.

Только вот неувязочка с этими проклятиями происходит: чем раньше обнаружишь, тем быстрее снимешь. А я в целом в тот год просто в ужасе находилась, что придется целовать неизвестно кого да перед всей толпой, так что о других парнях даже не думала и до турнира никого не поцеловала. И к турниру проклятье вошло в полную силу.

На помосте, украшенном цветами, каменные статуи смотрелись устрашающе, а я в своем искрящемся платье, подчеркивающим хрупкую фигуру, изящные плечи, нежные руки и тонкую талию действительно выглядела горным эдельвейсом, трепещущем на ветру среди снега и камней. Я должна вызывать сочувствие, но ни разу за все эти годы никто, кроме родных и близких друзей, не проявил ко мне заботу – все жалели почему-то Нино и Луиса, а не меня или Вафorra.

Встав между двух статуй, я посмотрела на толпу и помахала рукой, вызвав бурю негодования, а за спиной ректор укоризненно закашлялся – считает, что я зря провоцирую людей. Конечно, я не дура, чтобы не бояться гнева огромной толпы, которая может в один момент изменить свое мнение и отправиться ко мне, чтобы растерзать. Но, боги свидетели, эти люди, почему-то бесятся еще сильнее, стоит мне потупить взор и всем своим видом выражать раскаяние. Они больше верят Нино в ее змеиными слезами, чем мне, так что нечего мне притворяться раскаявшейся преступницей – я себя виноватой не считаю.

Недалеко от помоста в отдельной ложе демонстративно почувствовала себя плохо Нино и сломанной лилией упала на диванчик, что специально для нее разместили там, где раньше были только жесткие стулья. Везет же некоторым, а

мне весь турнир придется простоять на ногах с прямой спиной и высоко поднятым подбородком, чтобы никому в голову не пришла мысль, что мне противны эти липкие злобные взгляды.

На поле вышли выпускники, в черных кожаных доспехах, перетянутые ремнями, в высоких сапогах, словно они будут не летать над стадионом, а скакать на лошадях. Все, кто носил длинные волосы, на время турнира убрали волосы в хвосты или косы, и сейчас выглядели на удивление одинаково с остальными – открытые суровые лица, словно высеченные из камня, хмурые брови, сведенные к переносице, плотно сжатые губы, выражающие презрение к противнику. В руках у каждого короткая толстая палка, обтянутая кожей, чтобы невозможно было нанести серьезные травмы в пылу сражения. Судя по синякам, что украшали некоторые лица, сражение уже началось – за закрытыми дверями стадиона, пока никто из наставников и учителей не видел.

Девушки и женщины на трибунах томно заохали, а кто-то принялся обмахиваться веерами, стараясь привлечь к себе внимание. Кто-то даже кричал и размахивал руками, призывая повернуться к ним. Очень часто слышалось имя Матиу Гранаха, но зря все эти девицы старались – никто из выпускников не слышал гула толпы, никто из них не видел никого вокруг, кроме противников и нас на помосте, меня, ректора и двух статуй. Кажется, темные каменные изваяния даже лучше видно, чем сверкающую меня.

Однажды мы с Марьям специально пришли на стадион перед турниром, когда все было готово, а трибуны еще пустовали. Мы обе побывали и в центре стадиона, где сейчас стоят выпускники, выстроившись двумя шеренгами, и на помосте, и на трибунах.

Я даже над полем поднималась, а подруга с трибун кричала песни – ничего не слышно. А вот на моем месте, на деревянном помосте, слышно все очень хорошо: и участников турнира, и зрителей. Я просила ректора растянуть полог тишины и на помост, но мне ответили, что та стража, что охраняет меня, не должна быть наполовину глухой, так что пришлось смириться и научиться пропускать неприятные выкрики мимо ушей.

Ректор ударил в гонг, золотистый металлический диск, появившийся в его руках на несколько минут, и следом махнул рукой, обозначая начало сражения. Толпа, что гудела, дышала, волновалась минуту назад, затаила дыхание, и я вместе со всеми.

Говорят, что турнир за сотни лет не претерпел никаких изменений, и тем, кто наблюдает его несколько десятилетий, он уже приелся и наскучил. Я же наблюдаю за турниром около пятнадцати лет, с тех пор как моя старшая сестра поступила в академию и приняла на себя титул «принцессы Сердца Колей», а я впервые побывала на трибунах. И за эти годы самым впечатляющим моментом турнира всегда считала тот, когда сотни выпускников слаженно поднимались в небо,

без помощи крыльев или артефактов. Вернее, без артефактов были летошки – люди, у которых проснулась магия полета, и они могли летать сами по себе, не используя стихию или другие приспособления. А вот те, кто называл себя драконами, в Сердце Колей не могли принять ту форму, что в их мире позволяла летать, и вынуждены были использовать артефакт, который видоизменял их магию в ту, что была подобна магии полета. Пожалуй, одним из главнейших правил турнира был запрет срывать эти артефакты во время всего сражения.

Я подняла голову к небу и увидела, как к земле стремительно несутся сотни выпускников, а затем зависают у самой земли, не касаясь ее сапогами.

– Турнир открыт! – говорю я негромко, но мой голос проносится над трибунами и над полем, разрешая начаться сражению.

Над стадионом проносится удовлетворенный рев толпы, выбравшей фаворитов.

– Ма-ти-у! Ма-ти-у! – кричат люди, а я пытаюсь понять, где же этот таинственный выпускник, который занял место в стольких сердцах.

Две шеренги сошлись, смешались, и уже непонятно, кто есть кто, но толпа продолжала скандировать:

– Ма-ти-у! Ма-ти-у!

Он действительно сражался так, что глаз отвести невозможно. Разил, бил, сметал всех со своего пути. И неизменно приближался к победе. И доводил толпу до исступления – стадион рукоплескал и кричал: «Браво!» из последних сил, до хрипоты, до боли в ладонях. Никто не мог устоять перед этой мощью.

Я же не могла себе позволить даже малейший намек на переживание, а ведь так хотелось искусать губы от волнения, смять в кулаках ткань платья, порвать в клочья платок или программку, какие выдавали на входе перед каждым турниром. На сегодняшней программке на лицевой части крупно выделялись два портрета – мой и Матиу. Но я не смогла купить эту маленькую книжицу, чтобы хоть так глянуть на главного фаворита турнира – все программки раскупили в первые полчаса продаж.

И чем ближе был финал боя, тем яснее становилось, что победитель будет именно он – таинственный дракон. И с каждой минутой, приближающей мою встречу с победителем, я ощущала, что внутри что-то сжимается, сворачивается под натиском страха и предвкушения. На мгновение даже я потеряла контроль над эмоциями и представила, что могу сказать, если победитель попросит мой поцелуй.

Пять лет назад Вафорр выиграл турнир, победив Гранта

Старракса, а я испытала невероятнейшее облегчение. Наверное, я была единственной девушкой во всех мирах, которая на том турнире с радостью предпочла отдать поцелуй грубому, и что уж греха таить, страшенному Вафорру, а не первому красавчику академии Гранту. Потому что, как ни парадоксально, а любимец женской части академии был на редкость гнилым человеком.

Не знаю, почему Грант так прилип ко мне, но весь год он не давал мне прохода, с мерзкой ухмылкой заявляя, что он выиграет турнир, а я надолго запомню поцелуй, который мне подарит этот...штрах недоделанный. При этом этот король академии считал само собой разумеющимся тискать при мне девиц, которые разве что в рот ему не заглядывали и демонстрировали готовность на все, стоило Гранту только щелкнуть пальцами.

Возможно, не откажи я так демонстративно Юнатану Старраксу, Грант даже не подумал бы попытаться превзойти кузена в том, в чем тот потерпел неудачу – получить мой поцелуй. Однажды Грант подтвердил мои догадки, с презрением отозвавшись о кузене, которому «не сvezло заполучить каскад». Оказалось, среди мужской части академии поцелуй принцессы считался престижным, но «каскад» считался недостижимым.

Когда-то очень давно Галактион Луазийский, будущий король Варассии и Сианоры, выигрывал турнир пять раз подряд, хотя и не являлся выпускником. Он был наисильней-

шим среди всех студентов, и это в его честь придумали турнир среди победителей пятилетия. Череду ежегодных побед без поражения называли «каскадом», но много лет спустя какие-то пошляки переименовали название, и в студенческой среде стали называть поцелуи принцессы каскадом, если один победитель умудрялся получать их несколько раз подряд. И если победитель и «принцесса» в течение года между турнирами успевали поцеловаться, то «каскад» считался недостижимым, и приходилось вести отсчет заново.

В глазах Гранта я была таким трофеем, который продемонстрирует всем превосходство младшего Старракса над старшим. И угораздило же меня попасть в драконьи разборки родственников.

То, что Вафорр превратился в камень, всего лишь коснувшись моих губ, немного остудило пыл Гранта, но через два года, вернувшись после каникул в академию, этот высокомерный сноб, словно одержимый, принялся заявлять на каждом углу, что победит в турнире и начнет собирать свой «каскад».

Наблюдая, как Грант каменеет, я впервые ощутила себя самым ужасным человеком, который изо всех сил скрывает облегчение и не испытывает ни капли сожаления от того, что проклятье сработало вновь.

– Я желаю получить ваш поцелуй, принцесса Шивонн!

Я вздрогнула и с ужасом уставилась на победителя, который уже стоял передо мной на одном колене.

– Что?!

Я беспомощно глянула на ректора, а тот, словно отряхнувшись от задумчивости, вышел вперед.

– Матиу Гранах, вы всего лишь месяц учитесь в нашей академии, и, должно быть, не знаете, что поцелуй принцессы Шивонн не способен перенести ни один смертный, поэтому королевский двор и предлагает победителю выбор.

Упрямый взгляд не давал мне даже на мгновение отвернуться – удерживал, словно я кролик, который через мгновение сам пойдет в пасть удава. Да что там пойдет – побежит со всех ног.

– Я желаю получить ваш поцелуй, принцесса Шивонн! – в третий раз пророкотал победитель и, встав с колена, решительно шагнул ко мне. И не дал даже шанса отказаться.

Он целовал так, словно имел право не только на этот, но и на все другие мои поцелуи. И в то же время он словно стремился довести меня до состояния, когда уже я не смогу забыть эти моменты, и каждый день буду вспоминать его губы и жар прикосновений.

Я цеплялась за ворот его куртки и мечтала о двух вещах: чтобы он не вздумал отпустить меня и отстраниться, и чтобы он хоть на мгновение освободил меня, чтобы вдохнуть хоть немного воздуха. А потом можно продолжить. Снова.

Мои желания были услышаны, но лишь частично. Меня отпустили, и я смогла вздохнуть. Губы пекло и саднило, щеки пылали, а дыхание было таким рваным, прерывистым, словно я все это время летела по небу, пытаюсь обогнать стрижа.

– Ох! – пронеслось над стадионом.

Боги, что я наделала? Как могла позволить забыть о проклятье?

В глазах, что смотрели на меня сначала с каким-то ошалевшим восторгом, а затем со смятением и неподдельным страхом, веретено кошачьего зрачка принялось округляться и заполнять собой радужку. А внутри темных, похожих на бездну, глаз, исчезало мое отражение, словно стирался из нашего мира сам факт моего существования.

– Стоять! Ни с места! – раздалось со всех сторон, Матиу окружили, а мне под лопаткой чиркнули чем-то болезненно-острым. – Вы арестованы за причинение смерти принцессе королевской крови!

Хотелось сказать, что они ошиблись, и я вовсе не умерла, только вспышка боли в спине что-то всколыхнула внутри меня, разжигая мою магию, а уже в следующее мгновение я очутилась на дальнем краю помоста, и уже не могла рассмотреть за крепкими спинами стражей, что же происходит внутри круга.

Боль причиняла неудобства, отвлекала. Почему-то пощипывало под лопаткой, и я никак не могла дотянуться до очага неприятных ощущений, извивалась, пыхла, даже завидовала Марьям, что ее стиль в одежде позволял украшать прическу длинными спицами, которые даже за корсет залезут, причем на спине.

Кое-как дотянулась, ощутила под пальцами что-то мокрое, немного вязкое. Поднесла руку к лицу, чтобы разглядеть, что же это за жидкость, и вот тут-то меня ожидал очередной сюрприз этого дня – я не видела свои пальцы. Нет, все гораздо хуже – я не видела себя: ни пальцы, ни ладонь, ни всю руку целиком. Платье, грудь, волосы, ноги – все это тоже не видела. Просто воздух, и нет даже намек на то, что со мной произошло.

Неужели я действительно умерла? Да что ж такое-то?

В панике я принялась размахивать руками и ощутила на

лице робкий ветерок. А вот теперь точно стоп!

Несколько экспериментов подтвердили, что я все еще во плоти, испытываю боль, холод, тепло и, как же это не вовремя, голод. Я даже немного (вообще-то, слишком сильно) вспотела, пока проводила эти эксперименты, так что вспомнила про платок, который притаился в маленькой сумочке, прикрепленной к талии. Из-за нервного состояния пальцы меня слушались через раз, а сумочку вообще еще предстояло найти, так что платок я уронила и уже готовилась начать обшаривать пространство на помосте вокруг себя, как с удивлением отметила, что тонкая тряпочка лежит на струганных досках прямо передо мной, в том месте, где должен был заканчиваться подол платья, и платок совершенно отчетливо видно.

Еще пара экспериментов, и на помосте рядом с платком лежали заколка, кусочек ткани от платья, туфелька, для эксперимента пожертвованная на время. Выходило, что на меня и мои вещи наложено сложное заклинание невидимости, которое в академии точно не преподают. Стоило что-то из вещей взять в руки, как предметы исчезали из поля видимости.

Также с помощью платка я выяснила, что один из стражей все же поцарапал меня своей саблей, поэтому жидкость под лопаткой была вязкой – это определенно была кровь. Первый вывод пришел совершенно неуместный, на первый взгляд, не связанный с моим непонятным положением: мне необходимо спрятать платье, и ни при каких обстоятельствах не го-

ворить Марьям, что ее шедевр прорезали холодным оружием, а еще испачкали кровью. Если подруга узнает, то меня ждет очень неприятный разговор: Марьям слишком трепетно относится к вещам, в которые вложила все свои ресурсы: магические, душевные, физические, эмоциональные.

Но в первую очередь стоит расспросить Матиу, что это ему пришло в голову меня целовать, и как он умудрился не окаменеть от моего поцелуя. Очень подозрительно, знаете ли, подобное поведение и без того таинственного представителя другого мира, где утверждают, что могут менять свою форму и летать с помощью крыльев.

Но, пока я предавалась экспериментам и делала соответствующие выводы, стража открыла портал и увела Матиу с помоста прямо в здание академии, вернее, в подвальную часть – я мельком увидела знакомые решетки, перекрывающие вход в подземелье.

Эй, куда вы повели этого мужчину? Он мне здесь нужен!

От возмущения я собралась крикнуть вслед стражам, чтобы подождали меня, но вместо этого горло как будто бы перехватило ледяной рукой, а потом меня дернуло вперед в портал, который закрывался так быстро, что я бы при всем старании не могла в него проскочить.

Однако проскочила. Странное было чувство, словно я на мгновение стала облаком или ветерком, струйкой просочилась почти в игольное ушко и, вернув тело, прислонилась к стене, сползая без сил на пол. Вот ведь засада из засад. Резкий переход порталом вызывает у меня непременно тошноту и слабость. Кого-то полеты укачивают или морские путешествия, а меня – резкая смена местоположения, словно какая-то часть меня все еще находится на прежнем месте или добирается ко мне улиточным шагом.

В ушах сильно звенело – жуть, до головной боли и тошноты. Так не бывает, даже если я взлечу слишком высоко, куда только те, кто из драконьих, долетают. Рядом еще гудело что-то, клацало, лязгало и скрежетало, что совершенно не способствовало прояснению сознания.

– Матиу Гранах, вы обвиняетесь в убийстве, – продолжал гудеть голос, немного гнусавый, с заметными шипящими звуками. Чудовищно знакомый голос.

– Я в курсе, – услышала ответ и резко вскинула голову,

о чем тут же пожалела – тошнота вернулась настолько сильная, что я просто легла на что-то холодное, обхватила колени руками, а подбородок прижала к груди – так рекомендовал бороться с приступами тошноты дядин секретарь.

– В этой камере вы будете ждать, когда ректор получить указания от короля, – гнусавил голос нашего кастеляна, который шаркающей походкой прошел мимо меня. Хорошо хоть не наступил. Следом загрохотали сапоги с металлическими подковами, которые были у всех участников турнира, а значит, только что мимо меня прошел тот, кто виноват в моем теперешнем состоянии. А я ничего не могу сделать: ни подножку поставить, ни лягнуть от всего сердца, ни прижать к стене, чтобы встрясти из него признание.

– Плачевное зрелище, – услышала я уже дальше, после того как в том же направлении скрежетнула дверь карцера.

Еще бы не плачевное зрелище – там лавка и сено в углу, да еще место уединения за небольшим выступом, и даже окошечка нет – все для работы над собой тех, кто умудрился нарушить все правила академии.

Самое страшное, за что могли посадить в карцер, это драка, и неважно, с применением простой физической силы или с магией. За все, что было серьезнее драки, лишали права находиться в академии.

Откуда я знаю, как выглядит карцер? Случилось один раз резать Гранту Старраксу – довел добрую, отзывчивую девушку, то есть меня, до рукоприкладства своими заявлениями.

ями про каскад поцелуев. Только мне помимо карцера еще и после досталось, потому что этот пакостник заявил всем, что я начала драться из-за ревности. И ударить, естественно, я смогла самого лучшего бойца академии, потому что он не сопротивлялся – чувствовал за собой вину. Гад! Он, наверное, единственный дракон среди своих братьев, чьи предки были змеями, а не людьми.

Дверь скрипнула вновь, затем зазвенели ключи, которыми кастелян пытался попасть в скважину. Привычка у мужчины такая: пока все ключи на связке не переберет, дверь не закроет.

После повеяло магией, словно на дверь накладывали заклятье. Похоже, на крепкую дверь и тугой замок не сильно надеялись, раз применили магию. Кстати, поговаривают, что те, кто из драконьих, могут запросто выбить дверь ногой – сила у них какая-то заоблачная, словно они всамделишные драконы из старинных сказаний.

Мимо меня пошаркал кастелян, а потом скрипнула решетка, закрывающая подземелье от остальной академии. Если и эту решетку закроют магией, то выход будет только один – пройти ниже в подземелье и по запутанным коридорам перебраться в соседнее поселение. Если найти правильный коридор, то можно добраться до трактира, а если не правильный – на кладбище. Кстати, мне оба варианта подойдут, лишь бы не снова порталом выбираться.

Еще немного полежав, я ощутила, что прижимаюсь ще-

кой к холодным и твердым плитам, да еще от них воняет тиной и плесенью. Наконец-то, меня отпустило. Давненько меня так не накрывало откатом от порталного перехода – уже лет пять как, с того дня, как дядя силой втолкнул в портал после первого моего «проклятого» поцелуя.

Словно древняя старушка, кряхтя и ругаясь, я принялась подниматься на ноги. Если б в подземелье рядом с карцером остался кто-то из стражей, он оказался весьма впечатлен словарным запасом пустого пространства в подвалах академии, возможно, даже принял бы меня за эхо – отзвук чужих ругательств... сильно запаздывающий.

Рядом с карцером увидела связку ключей, якобы, забытую кастеляном, а на самом деле это была своего рода предупреждающая система на случай, если кто-то решит освободить друга из каземата: хватаешь связку ты в подземелье, а раздражающий слух вой раздается сверху, в том месте, где находится кастелян.

Я прислонилась лбом к двери, сколоченной, казалось, грубо, но на самом деле это только казалось – как и все в Сердце Колей. Неплотно подогнанные доски не пропускали свет ни внутрь, ни наружу, а еще сквозь них нельзя было передать ничего толще волоса, да и тот сгорал между щелями.

– Я слышу, как ты дышишь, – а вот насмешливый голос дверь пропускала без зазрения совести – словно над самым ухом разговаривали. – Если пришел меня убить, то зря испортишь оружие: я, как и любой дракон в академии, защи-

щен. И, к слову, совершенно точно не знаю, что произошло с принцессой.

– А вот это совершенно наглая ложь! – прорычала я, неожиданно выцепив из пространства дамийский кинжал, подаренный отцом два года назад для самообороны.

Выдохнуть не успела, а уже и в ветерок превратилась, и сквозь дверь просочилась, и острие кинжала уже приставила к горлу бесячего дракона.

Да как он смеет так нагло врать?!

Кинжал дрожал в моей руке, царапая загорелую кожу. Капельки крови набухли над тем местом, где только что пришлось холодное оружие. И странная мысль посетила неожиданно: «Хорошо, что кинжал не отравлен».

– Эй, друг, поаккуратнее! Кто ж убивать приходит с дрожащими руками?

Молодой маг был красив, улыбчив и, по всей видимости, бесстрашен, потому что, подняв руки вверх ладонями ко мне, он так широко улыбался, словно его к стене прижал старый приятель, с которым он не виделся больше года, а неизвестный невидимый субъект, у которого руки трясутся от страха.

– Наглая ложь! – процедила я сквозь зубы, надавливая одной рукой на плечо, а той, что с кинжалом, на шею. – Просто так не идут на проклятый поцелуй!

Под острием кинжала появилась чешуя, поблескивая антрацитовыми краями и не давая лезвию нанести еще больший урон. У меня вновь затряслась рука, на этот раз уже от напряжения – мужчина был значительно выше, и чтобы дотянуться до шеи, приходилось высоко поднимать руку, а чтобы увидеть лицо – еще и запрокидывать голову. Где ж этих «драконов» растят? Вырос, что вверх, что вширь – не обойти, не перепрыгнуть.

– Шивонн? – пока я злилась и пыталась устоять на цыпочках, этот будущий каторжанин потянул носом воздух и удивленно уставился взглядом в мой лоб. – Почему ты невидима?

От неожиданности я тоже потянула носом воздух, стараясь понять, как он определил, что это я – на мне ведь никаких ароматов не было, чтобы запомнить запах. Ничего такого, что могло привести на мысль обо мне, а вот от него пахло знакомо – грозовым небом и морским бризом, но казалось, что этот запах я знаю не первый день.

– Убери оружие, принцесса, – тем временем молодой человек сжал мое запястье с кинжалом и аккуратно отстранил от своей шеи, а я даже никакого сопротивления не оказала. Хотя, нет – оказала. Да разве ж его ощутили? Моих сил не хватило даже на то, чтобы хоть на немного остановить движение наших рук в сторону. Я для него была словно воробей, замахнувшийся соломинкой на... дракона.

Кинжал со звоном упал на каменные плиты, но не потому, что я его выпустила – я вновь превратилась в ветерок и отлетела в сторону, а там вновь обрела тело и больно ударилась о какой-то крюк, забитый между двумя блоками.

– Ой! – звонко вскрикнула и принялась потирать ушибленное плечо, а парень напротив меня в недоумении рассматривал свою руку, сжимал и разжимал пальцы и не мог понять, куда делась добыча, то есть я. Кстати, как это у меня выходит?

– Шивонн, что с тобой произошло? – суровый голос и

цепкий взгляд совершенно не вязались с улыбочивым красивым лицом и небрежной прической, словно все видимое – это всего лишь иллюзия, прикрывающая правду.

– Отвечу, когда сам расскажешь, кто ты такой, – цыкнула в ответ и тут же вновь ветерком переместилась в другой угол карцера.

Что-то здесь тесновато. Раньше мне казалось, что помещение очень даже просторное, но вот этот, Матиу, в полшага умудрился преодолеть расстояние от своего места до той стены, где я только что была.

– Матиу Гранах, к вашим услугам, принцесса, – поклонился мужчина, а сам цепко оглядел весь карцер и вновь втянул воздух.

Да что б его – что он там учуял?

– Я, возможно, не совсем понимаю, что означает это ваше «проклятый» поцелуй. Мне просто сказали, что поцелуй принцессы – самая высокая награда для победителя. Я сделал что-то не то, попросив именно эту награду?

– Врешь!

Я в этот раз не превратилась в ветерок, потому что четко решила подлететь к потолку, воспользовавшись магией полета. Как оказалось, быть летошкой я не перестала, и невидимость не влияет на мою магию – только добавляет что-то новое.

Я вовремя поднялась, потому что этот дракон, словно пес, учуявший добычу, бросился в мою сторону, но схватил толь-

ко воздух, правда, пальцы его прошлись по краю платья. И вот то удовлетворение на лице мужчины, которое мелькнуло и быстро исчезло, мне совершенно не понравилось, словно я уже сейчас проигрываю сражение. Нужно держаться от него подальше, вернее, повыше.

Тем временем этот странный мужчина опять принялся вытягивать воздух носом, приносясь, и я по повороту его головы сразу поняла, что он четко находит то место, где я не пряталась. Беда, да и только. Хотела вытрясти правду, и вот сама стала добычей. Нужно менять тактику.

– Хрясь! – я резко опустилась на пол за спиной мужчины, призвала магию рода и со всего размаху обрушила родовой фолиант на голову этого охотника. Остается надеяться, что защита драконов, которой хвалился этот представитель родственников чешуйчатой легенды, и здесь сработает с запозданием, как и с кинжалом.

Бамс! Фолиант не подвел – недодракон упал на плиты с глухим стуком, а я принялась методично, по учебнику, связывать «возможного» врага, чтобы потом можно было безбоязненно задавать свои вопросы.

Фолиант нужно было вернуть обратно в пространство, откуда его могли бы взять представители нашей семьи в случае крайней необходимости, но сборник семейных секретов и могущественных магических рецептов наотрез отказывался возвращаться – похоже, что обиделся на мой способ его использования.

Кстати, надо бы успокоить родителей, а то мало ли какие новости ушлые сплетники донесут до них за те полчаса, что прошло с момента поцелуя. Очень вовремя фолиант не желает уходить в пространство – на его страницах должен быть рецепт, как оповестить родных и быстро, что со мной все в порядке.

Через час дракон начал приходить в себя, а я – выходить из себя. Фолиант упорно открывался на пустой странице и не желал показывать мне другие рецепты. Еще немного, и спалю его в бездну – у меня тут как раз представитель огнедышащих просыпается, вот пусть и доказывает, что настоящий дракон, а не сноб с амбициями.

– Открывайся, маразм в картинках, – шипела я, уверяя, что делаю это в последний раз – уговариваю вредную стопку листов, сшитую даже не золотой нитью, а волосом из гривы пегаса. – Спалю и не пожалею!

– Наверное, нужно просто написать послание на чистом листе, – прохрипел мужчина, открывая глаза. Вот честно, ощущение, что он на пару с фолиантом надо мной насмехается. Но, кажется, мысль здравая.

– С чего вдруг такая разговорчивость? Правды от тебя добиться не получается, а совет – раз и даже без подвоха.

Я для надежности затянула еще несколько магических веревок, чтобы совсем не выпутался, а сама принялась писать пояснения для родителей: они прочтут, как только прибегнут к магии родовой крови. К ней всегда прибегают в

необычных ситуациях, а уж мой случай куда как нестандартный.

– Я могу подсказать, кто тебе может помочь, – усмехнулся недодракон так, что стало немного жутко, – просто с беспокойными родственниками, дышащими в затылок, далеко не продвинешься.

Хм, вроде и дело говорит, да что-то верить в его бескорыстие совсем не хочется.

Пока писала послание родным, обдумывала предложение мужчины. Он предлагал не просто подсказку – он предлагал полное сопровождение до конечной точки.

Доверять тому, из-за кого я оказалась невидимой для всех, да еще, при необходимости, воздушной, было опасно. Но и отдавать свою судьбу снова в руки родных не хотелось – за годы, что я ношу свое проклятье, никому не удалось найти решение проблемы. И сдается мне, что ответ к моей головоломке будет у нас с «Матиу» одинаковым, причем таким же, какой есть у моего дяди короля Варанна.

– Что ты предлагаешь? – я уселась на широкую каменную лавку, которая служила узникам и сиденьем, и ложем, расправила невидимые складки на невидимом, но вполне осязаемом платье, и дернула магическую веревку, которая была затянута на все сто баллов. Это сеть у меня получается плохо, видимо, отсутствие практики в работе с летающими животными, но путы я научилась вязать знатно.

Мужчина дернулся. Справиться с путами он не смог, но, на удивление, не разозлился, а чему-то обрадовался – улыбка осветила лицо, делая его еще более красивым, почти нереальным. Мечта девиц, но какая-то ненастоящая. Сейчас, находясь с ним в одном помещении, я понимала, что такие черты лица не видела ни на одном портрете самых знаменитых

красавцев со времен выхода первой Жилы Ветров.

Кто бы не скрывался под личиной Матиу Гранаха, а у него очень много ресурсов, почти как у королей и приближенным к ним – получить в собственность артефакт такой силы, чтобы скрывал личность на протяжении месяца, дано не каждому в наших мирах.

– Предлагаю, для начала, развязать меня, – усмехнулся мужчина, а я скептически изогнула бровь.

Раньше такая манера действовала быстро, но не сейчас. Молчание затянулось. Бровь от напряжения начала подергиваться и стремиться вниз помимо моей воли, когда я осознала, что мимику использую впустую. Эх, как же привыкнуть теперь, что весь свой скепсис придется выражать словами?

– Ответишь, для чего выбрал поцелуй вместо награды – развяжу.

А вот этому, прости Стахт за сравнение, полубогу во плоти, ничто не мешало демонстрировать эмоции. Когда-нибудь думали, что у насмешливого взгляда бывают спектры? Он продемонстрировал все, и даже те, о которых я не подозревала. Я в ощущениях прошла тоже полный спектр: от недалеклой простушки до полной безысходной...красавицы. Честно, лучше бы комплиментов наговорил – не так обидно бы было.

– Что ж, справлюсь без тебя, – решительно заявила я, вставая с лавки.

Усилием воли попыталась воплотиться в ветерок, чтобы

вернуться в коридор подземелья сквозь магически запечатанную дверь. Дальше вообще планировала покинуть Сердце Колей, но...

– Уверена? – насмешливый голос раздражал, особенно в свете моих безуспешных попыток выбраться из карцера.

Еще больше раздражало, что вот этот мужчина лежит связанный, почти беспомощный у моих ног, а хозяйкой положения являюсь все равно не я. Бесит!

Но выход все равно есть!

Пришлось взяться за магические веревки и попытаться оттащить мужчину в угол, подальше от тех плит в полу карцера, что выглядели наиболее затертыми. Скажу честно, ощущение было, что я не мужчину тащу волоком, а тушу кабана или оленя. На последней охоте, где собрались все родственники, загнали такого зверя, что с десятков слуг не могли поднять тушу. Так вот «Матиу» весил столько же, если не больше.

На охоте даже магия не сразу помогла, а мне не повезло вообще – пришлось пыхтеть, упираться и работать, используя волшебную веревку и собственные физические силы.

– Я бы мог и сам дойти, – насмешничал пленник, вызывая у меня зубовой скрежет, – быстрее бы вышло. Кстати, плиты, что подо мной, отодвигаются с помощью рычага, а его в последний раз сильно заело. Это так, к слову.

Прибыю!

Когда немного отдышусь и передохну – точно прибыю.

– Поклянись, что ни мыслями, ни делом, ни бездействием не причинишь мне вреда, – я со злостью наступила мужчине на грудь и наклонилась к лицу, чтобы лучше видеть проявление клятвы. И изо всех сил старалась не показать, что дыхание мое сбилось от усилий. Про руки вообще молчу: можно дать сито и муку, и вперед – помогать на кухне.

– А надо?

Спалю в бездну!

Видимо, все же у кого-то проснулся инстинкт самосохранения, или это я так рыкнула, что сразу стало ясно – я на пределе, но мужчина все же сказал то, что я ждала.

– Клянусь!

Магия вырвалась необычная, серебряная, как искры на моем платье или на волосах. И поток был плотным, насыщенным. И ясно стало, словно боги пять солнц зажгли в небе, – поклявшийся не врет и клятву дал от чистого сердца.

– О, как! – вырвалось непроизвольно, а в следующее мгновение я уже была прижата к стене той самой мощной тушей, что называл себя драконом и последний час или два валялся перетянутый магическими веревками.

Захотелось снова сказать: «О, как!», – да только ситуация в данный момент не способствовала. Мужчина прижимал меня к стене крепко, но вполне осторожно. Было бы вполне комфортно, если бы не одно но – он вновь принялся меня обнюхивать. И зрачок у него вновь стал вытягиваться из круга в веретено, а потом заполнять радужку. Становилось жут-

ковато.

– Эм, ты вроде говорил, что дракон, а ведешь себя как пес, – я тоже могу быть насмешливой, когда от страха начинают дрожать колени.

– От тебя не пахнет ни страхом, ни чужеродной магией, – что-то непонятное говорил мужчина, опуская меня на пол. Оказывается, я это время висела, прижатая к стене.

– А с чего вдруг от меня должно пахнуть страхом?

– А с чего вдруг от меня должно пахнуть страхом?

В моменты, когда физически мне что-то угрожает или я испытываю сильные эмоции, меня начинает защищать родовая магия. К сожалению, бывают моменты, когда даже такая магия бессильна – позволила же она внедриться проклятью – но с чего мне бояться того, кто только что поклялся мне не вредить?

А еще я кое-что поняла про этого «Матиу» – я его знаю! Хотя нет, не совсем так – я точно знаю, чьим учеником он был лет пять-шесть назад. В Сердце Колей преподавал раньше Лиас Клой, наставник боевых магов, который раньше служил под началом легендарного генерала Сампро.

Поговаривают, жиль Клой ушел из академии на службу к дяде Варанну, чтобы присматривать в Лурии за молодыми девчонками, у которых проявила себя магия полета: чтобы не попали в какую-нибудь передрагу, чтобы не подпали под влияние какого-нибудь легкомысленного красавчика или очередного шпиона из соседнего королевства. В Лурии вообще странное отношение к образованию летошек: девушек отправляют пасти летающих животных, а парней — патрулировать границы. Непонятно и странно, если честно.

Так вот, жиль Клой преподавал в академии всего год-два,

но за это время успел набрать в свои ученики несколько десятков магов, о которых до сих пор ходят легенды в стенах нашего Сердца, несмотря на то, что все они уже давно выпустились. Честность, порядочность, ответственность, смелость, великодушие – список их положительных качеств можно заполнять и заполнять, пока рука не отвалится или чернила не закончатся (рука отвалится раньше). И все эти качества были мне как нельзя полезны, потому что один из учеников жила Клоя поклялся не вредить мне, а еще обещал доставить туда, где мне помогут.

Последнее утверждение, конечно, спорно, – не обещал, а предлагал, но...

– Как думаешь, жиль Клой тобой бы гордился? – с кривой усмешкой спросила я, а потом вспомнила, что мои эмоции сейчас не видны. Что за напасть, а? Но в этот раз хватило и простого вопроса, чтобы мужчина отстранился и с подозрением принялся всматриваться в пустоту перед собой. Ага, проняло!

– Если ты сейчас пытаешься заглянуть мне в глаза, то они чуть выше, – фыркнула я и двумя пальчиками отодвинула крепкие ладони, что прижимали меня к стене. Эх, опять не тот эффект от демонстративных действий.

– С чего ты решила, что я знаком с жилем Коем?

– Вербку, которой я тебя перетянула, мог развязать только он сам или его ученик, – я поймала себя на мысли, что не могу избавиться от картинно-показательных жестов, к кото-

рым привыкла – вот сейчас собиралась закатить глаза. – Как только жиль Клой покинул академию, нас стали учить только как пользоваться магической веревкой. А вот выпутаться, как ты сейчас, не смог бы ни один из тех, кто жил в Сердце последние пять лет. Твое счастье, что за прошедший месяц в академии тебя никто не повязал этим способом, иначе бы ты сразу себя выдал, ведь никакой Матиу Гранах не учился раньше в академии, да еще на курсе Лиаса Клоя. Та-дам!

Я очень гордилась своей дедукцией. Ну а что, подмечаю детали, делаю выводы. Это для Сердца Колей у меня только две функции: учиться, чтоб не дуручкой выглядеть, и победителей турнира целовать. А так у меня ещё множество достоинств: и магия полёта, и общая, правда, пока без точного направления, я и умница, и красавица... Н-да, красота моя сейчас бесполезнее некуда, ведь будь со мной рядом дракон во плоти, с зубами и крыльями, его бы все равно посчитали красивее невидимой меня.

Но все равно, я могу собой сейчас гордиться! Я умная!

Вот и горжусь, но недолго...

– Ну а ты когда успела поучиться у наставника, если он пять лет как не преподаёт? – мимолетное замешательство сменилось насмешливой ухмылкой, а я от досады закусила губу.

Вот как так то? Обличала мужчину, а сама попала впро-сак. Говорил же дядя: об уроке, который преподавал мне жить Лиас Клой никому не рассказывать. Я вот и не рассказала, а

меня поймали на слове.

Дядя меня привёл на тот урок, когда пришла моя пора обучения в Сердце Колей. Говорил он, что статус “принцессы” не всегда защитит, а родовая магия прикроет, только когда появится смертельная опасность. Так что мне как минимум нужно уметь защитить себя как от физического нападения, так и магических шпилек – вроде как на большее в академии ни у кого сил не хватит. Как же он ошибался. И забыл еще, что нападать можно словами и бездействием, а вот этого я за пять лет хлебнула сполна.

– Неважно, – я небрежно отмахнулась и снова чуть не хлопнула себя по лбу – меня ж не видно. – Ты собираешься открывать лаз?

И вот эта махина вместо того, чтобы приняться с рвением отодвигать плиты, вальяжно облокотился о стену и просто расцвёл в улыбке, такой наглой, что стукнуть захотелось. А после слов, от которых я чуть снова в ветерок не превратилась, захотелось прибить на месте. А потом воскресить и снова прибить. И так раз десять.

– За поцелуй!

– Совсем страх потерял, ящерица с раздутым эго?! Хочешь, всё же, в камень превратиться? Или ты свой злой умысел не до конца довёл и теперь ждешь, чтобы я в камень превратилась?

Я рычала, кричала, позабыв о необходимости соблюдать тишину, била кулаками в железную грудь, топала ногами,

словно непослушный ребёнок, а в конце даже разрыдалась. Меня от одного слова накрыло истерикой так, слово я пять лет сдерживала в себе эти чувства. Меня трясло, слезы лились потоком, но, на удивление, становилось легче, особенно от ощущения, что меня осторожно обнимают, по-доброму поглаживают по спине и волосам и шепчут какие-то успокаивающие глупости. Словно я дома.

Пять лет со мной не было ничего подобного. С того первого поцелуя, который запомнился, на всю жизнь, чтоб его.

– Извини, – проговорил мужчина, когда я перестала всхлипывать и вывернулась из его объятий. – Это была шутка и очень неудачная. Хотел узнать, насколько ты жаждешь отправиться в темный страшный коридор с совершенно незнакомым тебе драконом, а получилось вот так... Ты примешь мою помощь?

– Ты примешь мою помощь?

Хотелось, конечно, также вальяжно припасть к стене и небрежно скрестить руки на груди, а после сказать что-нибудь этакое...насмешливое и цепляющее (да-да, я злопамятная, несколько часов точно). Не сложилось.

Стены карцера содрогнулись, а за дверью раздался неприятный скрежет, обозначающий, что снимают магию с основной решетки, перекрывающей вход в академию из подземелья и из карцера. Кто-то направлялся в нашу сторону.

Пришлось мыслить резво, а принимать решение еще быстрее.

Достаточно сказать, что я жива и вполне себе здорова, и «Матиу» отпустят, после допроса, конечно. А потом смотреть, как все родные пытаются найти выход, обходя самый заметный, выпирающий угол – Полночную ведьму, к которой запретил обращаться дядя Варанн... при любых обстоятельствах.

Все это уже было пять лет назад, через все это мне придется пройти вновь. Хочу ли я повторения? Хочу ли я снова отдать свою судьбу в другие руки? Не в чужие, нет, – они родные и любимые, но... Хочу ли остаться лишь наблюдателем, когда решается моя судьба?

Определенно, нет!

– Открывай лаз, быстро! – не попросила – приказала.

И мужчина послушался. Без раздумий и возражений. И без шуток. Наклонился к одной из самых затертых плит, провел пальцами по одному из швов – в ладонь буквально влетел тонкий неопитовый рычаг, длинный, восьмигранный, замызганный.

Этот рычаг мужчина вставил между двух плит в том месте, где только что была совсем маленькая щель, и, навалившись грудью, несколько раз провернул стержень, словно пытался нарисовать круг на песке.

Плита поддалась и со скрежетом начала подниматься. Если бы в подземелье в тот же момент не снимали магическую защиту, то наш побег услышала бы вся академия.

Еще немного, и плита застыла, не поддаваясь ни на усилия мужчины, ни на мои бестолковые пинки и постукивания каблуком по каменной поверхности.

– Застряла, – прохрипел «Матиу», стирая пот с идеально-го лба, а мне неожиданно захотелось пройти пальцами в том же месте и попробовать на ощупь, а сколько качественно создан иллюзия, раз от прилагаемых усилий появляется влага на лице.

– Отойди, – я выдохнула и положила руки на обшарпанную поверхность. – Не подходи, пока я не закончу.

Надеюсь, меня простят все те студенты, которые попадут именно в эту камеру, когда их посадят за драку или дру-

гой проступок. Лучше будет, конечно, если никто никогда не узнает, что я планирую сломать единственный тайный выход из заточения.

Прикрыла глаза, отпустила ту часть магии, которая всегда пряталась и от учителей, и от родных, и от проверяющих артефактов. Пряталась, но всегда присутствовала, кажется, с самого рождения. И разрушала по первому требованию, стоило выйти из себя. Благодаря этой маленькой частичке мне приходилось усиленно постигать контроль, без которого пять лет в академии закончились бы не только превращением студентов в камень, но и, возможно, полным разрушением территории Сердца.

– Шае-шу, кхарррах, – проговорила отчетливо, выговаривая каждую букву, а потом отправила легкий поток к механизму, что открывал проход. Магия эта не была похожа на ветерок, как магия летошки, позволяющая мне летать без крыльев, артефактов и других приспособлений. И не была она похожа на твердую землю, основу сей магии в нашем мире. Она была похожа на воду, тягучую, словно кисель, и ледяную, словно глыба льда. И как вода, она просачивалась в любую щель, обволакивала механизмы, проникала в структуру материала, а затем начинала менять температуру, искажать структуру.

В полной тишине было слышно, как осыпается внутрь лаза механизм, от которого не осталось даже крошек или пыли. Я знала, что все уже исчезло, не успев даже полежать внизу

на темной лестнице.

– Держи плиту, – вновь приказала, а не попросила и первой простучала каблуками по каменным ступеням. Торопилась, но все равно слышала, как непередаваемый скрежет магической защиты подземелья умолк, а по коридору застучали подковами десяток сапог. За Матиу уже шли, и ас необходимо было уходить скорее.

– Спускайся же, – шипела я, непроизвольно переходя на шепот, а сама шарила по стене, пытаясь вспомнить, где же здесь находится магический факел. Не нашла, но в своих поисках наткнулась на каменную грудь мужчины, который аккуратно опустил плита и бесшумно спускался по скользким ступеням вниз.

– Ты меня ищешь? – шепот обжег щеку и ухо и заставил невольно вздрогнуть, то ли от нервов, то ли от странного томления, которое вызвал шероховатый сочно-теплый голос мужчины. Не видя его лица, я вдруг подумала, что слышала уже этот голос, только не могу вспомнить где. Но могу вспомнить ощущения, которые тот голос у меня вызывал: нетерпение, предвкушение, томление, беспокойство, робость, и в конце страх.

– Нам нужен факел, – выдохнула смутившись. Порадовала темнота и моя неожиданная невидимость, потому что теперь заалевшие щеки не откроют мужчине мое смятение.

– Отойдем за поворот и зажжем там, – был мне ответ.

Мужчина взял меня за руку, для чего переместился ладо-

нями от плеч до запястий, и уверенно повел вперед, словно видел в темноте, словно днем. Я же шла, спотыкаясь, то и дело норовя свалиться на ровном месте, а потом и вовсе больно ударилась коленом о выступающий камень, который «Матиу» умудрился обойти и не задеть.

– Колено...камень...чтоб бездна поглотила этого архитектора...третий раз за него цепляюсь...– бессвязно ругалась я, вспоминая свое прошлое путешествие по этому коридору.

В тот раз моей компанией были Марьям и Саторос, и сбегала я всего лишь в таверну, чтобы провести вечер в компании друзей, а потом все равно вернуться в карцер. Это было негласным правилом: те, кому открывали тайный лаз, должен был непременно вернуться, чтобы никто не заподозрил наличие прохода из тюрьмы на волю.

– Сейчас я зажгу факел, и мы пойдем быстрее, – проговорил мужчина, а я прикрыла глаза ладонью, позабыв, что она у меня прозрачная и пропускает свет.

Чиркнуло кресало, что было всегда привязано к факелу, языки пламени радостно потянулись вверх, озаряя пространство вокруг, а я смогла рассмотреть лицо моего сообщника.

В свете магического огня даже артефакт не справлялся, и, спрятанное под личиной настоящее лицо мужчины озарили неровные отблески.

– Ох! – вскрикнула я и отшатнулась.

– Ох! – вскрикнула я и отшатнулась.

На моем лице можно было увидеть ужас, если бы оно не было невидимым. По моему лицу можно было бы понять, куда устремлен мой взгляд, и что именно меня напугало. Но мужчина понял все по-своему.

«Матиу» вскинул голову на мой «ох», прислушался к глухим ударам в той стороне, где мы только что были, и, недолго думая, сделал шаг ко мне, пошарил в воздухе и, хоть я и вжалась в стену, сумел поймать мою руку. А дальше просто дернул на себя и, вручив в руку магический факел, подхватил меня на руки и бросился во тьму коридора.

Факел был невероятно тяжелый, и рука у меня начала трястись уже после нескольких поворотов. Узкий коридор местами становился еще и низким, так что мужчине приходилось пригибаться, почти всегда ударяясь лбом либо о мой висок, либо об нос, либо о подбородок. Я же клацала зубами, изредка прикусывая язык или губу, ловила в свете магических отблесков знакомый профиль и узкие зрачки, и не могла успокоиться. Сердце стучало набатом, словно в ушах поселилось, а первое оцепенение сменилось горькой трескучей яростью, словно еловую ветку бросили в костер, и ее смола принялась чадить.

– Еще несколько поворотов, и будем в подвале таверны, – размеренно дыша и не сбавляя бега, проговорил мужчина, а я даже не удивилась, что он в курсе, куда приведет коридор. Еще бы ему не знать, раз он сам создал ответвление от основного коридора – раньше прямой туннель вел только на кладбище.

Да, я теперь знала, кто скрывается под личиной, но вместо спокойствия это принесло лавину чувств, от которых моя тайная магия рвалась наружу – хотелось крушить и стирать в прах...желательно этого самого человека.

– Нам нужно будет подняться в общий зал и пройти мимо тех, кто будет там находиться. Тебя не видно, поэтому любой сможет сбить тебя с ног, толкнуть, облить горячим напитком или похлебкой. Держись за моей спиной. И...платье придерживай, чтобы не мешалось под ногами.

Я все это слышала сквозь гул в ушах и бешено несущееся вскачь сердце. Все, что он говорил, было разумно, но мне просто необходимо было остановиться где-то и выпустить ярость, пока тайная магия не вырвалась наружу. Вот тогда будет неважно, что меня смогут толкнуть или облить чем-то, – плохо будет, точно, не мне.

За спиной послышался грохот, словно плиту, что перекрывала проход, взорвали боевым заклинанием...и еще несколько плит с ней вместе. А следом по всему коридору вспыхнули магические факелы. Вспыхнули, лизнули языками потолок и опали, глядя на нас хмурым взглядом ректо-

ра. В каждом языке пламени, в каждом факеле были глаза и жесткая складка губ, которая раскрылась и принялась вещать, рассыпая вокруг искры: «Матиу Гранах, остановись! Стой на месте!»

Как бы ни была сильна магия защиты Сердца Колей, но она пока не открывала настоящего имени моего сообщника, а еще не видела меня. Это и обнадеживало, и беспокоило. Возможно, нам удастся сбежать. И возможно, проклятье на мне настолько сильное, что мне будет невозможно помочь традиционной магией.

Неожиданно перед нами выросла дверь, такая же, как и в карцере: с виду неказистая, с широкими щелями, а на деле магическая защита выхода, чтобы в таверне никто не смог увидеть тайных визитеров. Дверь не поддавалась, хотя всегда открывалась внутрь погребца, стоило с этой стороны всего лишь приложить ладонь. Мало того, разноцветные всполохи, что нахлестывали волнами друг на друга, говорили о том, что выйти нам не дадут. Похоже, ректор не просто так закрывал глаза на то, что в его академии студенты даже в карцере могут чувствовать себя вольготно – про тайный ход он все знал и держал его под контролем.

– Применишь свою магию? – задал вопрос мужчина, продолжая удерживать меня на руках.

Это был, конечно, выход – выплеснуть гнев прямо сейчас, когда он клокочет внутри, а сила разрушения еще под контролем. Разрушить дверь, отпустив магию, но удовлетвори-

ния это не принесет никакого.

Я протянула руку, концентрируя силу на кончиках пальцев, но рука провалилась в пустоту – дверь открылась под действием того, кто находился снаружи.

– Стой и не двигайся, Матиу Гранах! – прозвенел в коридоре тонкий девичий голос, который звучал совершенно не устрашающе – в нем слышалась паника и ужас. А вот боевой огненный шар, зависший почти перед самым моим носом, заставлял испытывать уважение к студенту, сумевшему идеально создать смертельное оружие. Саторос мог собой гордиться.

– Сат, ты его подпалишь, и мы ничего не узнаем! – взвизгнула Марьям, с ужасом глядя на огненный шар так близко. Ее-то учили исправлять то, что такие шары могли натворить, а от полигонов держали подальше, как и всех будущих лекарей женского пола.

– За нами по коридору идут стражники, – спокойно заметил «Матиу», заставив моих друзей неуверенно переглянуться.

Я затаила дыхание, осторожно втягивая магию обратно и вцепляясь в факел второй рукой. Было страшно даже чихнуть в такой ситуации – пышущий жаром шар был идеальным, но в руках студента, пересдававшего огненную боевую стихию десять раз.

– Справа есть чулан, – продолжал говорить мужчина, не выказывая ни страха, ни агрессии. – Нас там искать не будут

– решат, что мы поднялись в зал и дальше на выход. Вы ведь сможете создать три иллюзии?

Марьям и Саторос неуверенно кивнули и отступили, невольно подчиняясь властному голосу. Три фигуры, похожие на оригиналы, как детский рисунок на шедевр великого Атонини простучали каблуками по лестнице вверх и трижды хлопнули дверью. Мы же забились в тесный чулан, причем я все еще была на руках у «Матиу» и сжимала факел, а передо мной висел огненный шар и пытался подпалить одну из прядей, выбившуюся из прически. Я хоть не видела, но жар ощущала лицом и шеей, да еще запах паленой шерсти начал щекотать ноздри. Сейчас чихну!

Сейчас чихну!

В тесной каморке ещё и пыльно было, а под ногами зашуршала мышь. Я боролась с собой, стараясь не расчихаться, и с ужасом прислушиваясь к торопливому топоту за дверью.

Марьям даже не думала сдерживать себя, просто медленно доходила до состояния визгливой истерички, которая всякий раз просыпалась в ней, стоило поблизости пошуршать мыши. Глаза у подруги становились квадратными и занимали почти пол-лица, когда “Матиу” кивнул Сату на девушку, начавшую открывать рот с предварительным поскуливанием.

Сат, наш друг вот уже два года, научился за это время распознавать зарождающиеся истерики у Марьям, поэтому быстро накрыл её рот ладонью, а девушку притянул к себе ближе и принялся нашептывать ей на ухо успокаивающие глупости.

Мне все еще нещадно хотелось чихнуть – даже вид подруги не отвлек настолько, чтобы забыть.

Тут, как назло, один из преследователей встал ровно возле двери и настойчиво принялся чиркать кресалом. В каморку начал проникать дым курительных листьев, которые могли себе позволить только состоятельные аристократы, – запах-

ло благородной вишней, шоколадом и терпким чаем. Знакомый запах – дядин секретарь любил отдохнуть, затянувшись пряным дымом, в особенно нервные моменты. Засада!

– Это была иллюзия, – в погреб вернулись наши преследователи, прогрохотав по каменным плитам подкованными каблуками и нещадно стукнув входной дверью семь раз. Если за «Матиу» послали дядиного секретаря и почти десяток охранников, то, похоже, дядя еще не в курсе, кто скрывается под личиной обыкновенного студента из мира драконов.

– Далеко ему не уйти. Чью внешность имели остальные две иллюзии? – после вопроса послышался глубокий вдох, а следом и выдох, только выдыхали дым, такое ощущение, в щель между досок в нашей двери.

– Сложно сказать – очень топорная работа, словно годовалый ребенок пальцем рисовал дерево, а выглядит как переплетение линий и пятен.

У Марьям при сравнении ее иллюзии с рисунком ребенка резко отсекло память в том месте, где шуршала мышь, и всплыла та часть памяти, где ее дед говорил про родовую гордость и талант к созданию иллюзий. Глаза у подружки вспыхнули золотом, а щеки залились краской так, что спелые помидоры застеснялись бы рядом находиться. Еще мгновение, и впервые дверь была бы выбита разгневанным будущим лекарем, но тут прозвучал ответ, и весь ее настрой схлынул вместе с красным цветом щек.

– Жаль-жаль... Слепок снять успели?

– Мммм, – замялся отвечающий, заставляя Марьям и Сата поседеть, образно говоря.

– Нет, не успели! – второй был на удивление громогласен и услужлив, да еще радостен, словно закапывал противника или конкурента. Н-да, везде интриги.

– Уходим, – был сухой ответ, но мужчина за дверью остался стоять, продолжая «душить» нас пряным дымом, который с удивительной настойчивостью вытеснял из каморки свежий воздух.

– Советую быстрее разделаться со своими делами, процесса, и возвращаться к родным, пока они не перевернули все три королевства и целый мир драконов.

И ушел, оставив нас с открытыми ртами смотреть на дверь, по которой яркой змейкой скользил магический луч, обрисовывая контур всеми известного тракта, идущего из Лурии, от дворца дяди Варанна до самого сердца Нимесийского леса, где обитала Полночная ведьма. Вокруг змейки-тракта во все стороны расползалась карта трех королевств, и уже видно было Сердце Колей, пульсирующего на двери оранжевыми всполохами.

Мы выждали добрых полчаса, позабыв о желании чихать, возмущаться или вопить от ужаса. Потом еще сколько-то для верности. Открывал дверь «Матиу». С ноги. Все еще держа меня на руках, но при этом перед нами летели целых пять огненных шаров, от вида которых Саторос сглотнул нервно и с ненавистью взглянул на мужчину. Будет держать против-

ника под пристальным вниманием.

В погребке было пусто. И ни единой приметы, что тут находились стражники. Даже запах дыма выветрился.

«Матиу» позволил мне встать на ноги, но руку так и не выпустил, видимо, опасаясь, что я могу сбежать, пока его внимание распределено между моими друзьями. Прав был – мне эта мысль в голову пришла в первую очередь.

– Оригинальный способ носить факелы – руки свободны, – хмыкнул Сат и кивнул в мою сторону.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду – снова забыла, что невидима. Но тут языки пламени взметнулись вверх, озаряя лицо мужчины.

– Ах, ты, гад! – вскричала моя подруга, неожиданно впечатывая свой мелкий кулак в массивную челюсть мужчины. – Это тебе за Ши!

Ей удалось ударить еще раза три, потому что «Матиу» даже не думал сопротивляться – он только завел меня за спину, чтобы Марьям в порыве гнева не смогла и меня покалечить.

– Остановись, Марьям, остановись, – Сат попытался оттащить нашу подругу от ее «жертвы», но едва сам не получил локтем в живот – Марьям в гнев была просто неумолима.

– Да ему еще мало! – кричала Марьям, размахивая кулаками перед носом мужчины, а я из-за спины пыталась выглянуть, чтобы не упустить ни одной детали, ведь совсем недавно самой хотелось испепелить этого ящера.

– Это все из-за него! Слышишь, это из-за него все случи-

лось с Ши!

– Это все из-за него! Слышишь, это из-за него все случилось с Ши!

А потом моя подруга начала плести заклинание, которое ни разу за весь период обучения не получилось, но от него гарантированно страдали те, к кому применялось – жесткая слабость вместо общего оздоровления. Из-за этого заклинания Марьям едва не завалила экзамен, но быть дочерью ректора полезно всегда, главное — помнить, что этим фактом можно воспользоваться один-единственный раз.

Нужно срочно спасти мужчину, иначе я точно дождусь, как мои родители перевернут три королевства и мир драконов в придачу, а я так и останусь невидимой.

Только вот противоборствовать заклинанию подруги можно исключительно физически – отвлечь, рассредоточить внимание, испугать. Хотя, скажи я сейчас: «Привет, Марьям, я тут!», – и страдать от заклинания придется мне. Что-что, а с меткостью у подруги все просто отлично – попадет в глаз мимо проносящейся белке.

Пришлось вывернуть руку из крепкого захвата и броситься наперерез подруге.

В точке, где мы с Марьям должны были неизменно встретиться, я почему-то превратилась в ветерок и вновь встала

на ноги только за ее спиной. А подруга шла на «Матиу» с решительностью тарана – выбьет дух с первого удара.

– Стой! – практически рыкнула на ухо подруги, обхватывая за талию. – Он проводник и помощник!

Никогда не думала, что буду защищать этого ящера, но у богов отличное чувство юмора – всегда подставят подножку перед самой лужей.

– Сат, отпусти меня! – рычала в ответ Марьям, явно думая, что остановить ее пытается наш друг. – Он, может, Шивон убил! Не вздумай защищать этого...

Всегда уравновешенный Сат поперхнулся, ведь в начале фразы он уже готовил достойный ответ, а тут такой поворот. Пришлось другу отлепиться от стены, становиться ровно и с ходу начинать нападение, без подготовки.

– Я вообще не держу. Что ты на парня наседаешь? И причем тут Ши? Кстати, отличное пеленающее заклинание – даже магии не ощущается. Научишь?

Последние фразы были обращены к моему «сообщнику», и вот они-то полностью сбили настрой Марьям – заклинание, которое настраивалось и формировалось даже в момент, когда я из последних сил удерживала подругу, растаяло в мгновение ока. Освободившимися руками подруга потрогала свою талию и тут же наткнулась на мои холодные пальцы, вцепившиеся в жесткий кожаный пояс юбки. А я даже из-за ее спины поняла, какими круглыми и удивленными становятся глаза Марьям, когда она опустила взгляд на свою

талию и обнаружила, что видит исключительно свои руки.

– Шивон? Это ты? – радости в голосе как будто нет, хотя и ужаса тоже, так что решила ответить.

– Я, а ты кого ожидала...увидеть? – все же закончила я фразу, хотя понимала, что логичности в ней мало.

– Ши! Жива! – взвизгнула подруга, одновременно оглушив и задушив.

– Не уверена, что такой останусь, если ты не ослабишь хватку, – просипела я.

Удивительно, мужчины, как будто ушли в тень, давая нам возможность излить свою радость от встречи. Даже о чем-то перешептывались, пока Марьям тискала меня, попадая за-гребущими ручками то в глаз, то под ребра. Надеюсь, ставки они не делали, хотя со стороны казалось именно так.

А Марьям все расспрашивала и одновременно изучала, пытаюсь понять, что же сделал со мной поцелуй «Матиу». Удивительно, но за все это время я и минуты не могла найти, чтобы подумать в этом направлении, а вот подруга решительно отказалась уходить куда-то, пока она не опробует на мне все известнее диагностические заклинания. Я-то думала, что их от силы два-три, поэтому согласилась, но, как показывает практика, зря.

– Что могу сказать, – Марьям безжалостно оторвала от моего платья несколько блесток и покрутила в руке, – ты точно здорова.

Тут я фыркнула – не удержалась.

– Не смейся – нас учили, что у магов бывают самые невероятные болезни, не как у простых людей, так что невидимость – не самый необычный вариант. Проклятье на тебе все то же, что и пять лет назад, – другого нет, и никаких заклинаний тоже нет.

Я сидела на бочке с вином, Марьям на мешке с картошкой, а ощущение было, словно я в кабинете дядиного целителя, который раз в год проезжал по всем дядиным родным и проводил обследование, расспрашивая обо всем подряд: от снов до мелких царапин. Жутко дотошный мужчина, и подруга сейчас в дотошности ничуть не уступала королевскому целителю.

– Раз в здоровье принцессы нет сомнений, то я жду извинения, – подал голос «Матиу», и мы с подругой удивленно повернули головы на его голос – совершенно забыли, с чего все началось, а зря.

Марьям словно агрессивного порошкадохнула, ее глаза налились золотом, а щеки вновь приобрели бордовый оттенок – еще краснее, чем до этого. И вид у подруги стал воинственный, грозный: ни дать ни взять – снова пойдет крушить и отстаивать мою честь. И все одновременно.

– Даже не подумаю! – рыкнул подруга. – Если бы не ты, этот мерзкий Старракс не изводил бы Ши три года!

– При чём тут Матиу, Марьям? – возмутился борец за справедливость нашей академии. – Он пять лет назад вообще в другой академии учился, как, впрочем, и я.

В последней фразе друга сквозило неожиданное сожаление, отчего в сердце дернулась какая-то струна, которая связывала нас троих. Но подругу это не проняло – она даже не заметила смены настроения Сата. Схватив факел, который так и висел в воздухе с того момента, как я бросилась наперерез подруге, Марьям ткнула магическим пламенем чуть ли не в лицо «Матиу», развеивая иллюзию.

– Не узнаешь? Даже ты должен знать это лицо!

– Не узнаешь? Даже ты должен знать это лицо!

На лице мужчины искривилась усмешка, меняясь в свете магических всполохов на красивую улыбку неотразимого «Матиу», а затем вновь обратно, демонстрируя настоящие эмоции – иронию, досаду, сдержанность. И глядя на эти два лица, сменяющие друг друга, я осознавала, что только благодаря магическому факелу мы все увидели того, кто скрывается под личиной, – никакие подсказки, похожие жесты или голос никогда не привели бы нас к правильному выводу.

Описывая эти два лица, мы бы использовали одинаковые слова: черные прямые волосы, высокий лоб, густые черные брови над пронзительными глубоко посаженными глазами цвета цитрина, прямой нос, четко очерченные губы правильной формы, а подбородок не выпирает вперед, при этом оставаясь с остальными чертами лица в гармонии. Одно описание, а подходит к обоим лицам. Только они совершенно разные – эти два лица. И тот мужчина, что под личиной, был не такой идеально-красивый, как «Матиу». Шероховатый, с хмурым взглядом, с неожиданными мимическими морщинами на лбу, с небритостью на подбородке. И он был гораздо привлекательнее «Матиу», скорее всего, из-за этих вот не идеальностей. Он был живым...живым воплощением моих

обид и претензий.

– Позвольте представиться официально, – мужчина тем временем снял с шеи цепочку, на которой мерцал темными всполохами черный бриллиант в массивной брутальной оправе, и учтиво поклонился. – Юнатан Старракс, дракон, наследный принц Хассийского королевства.

– Лучший из победителей прошлого пятилетия, – с придыханием прошептал Сат и принялся с благоговением рассматривать живую легенду Сердца Колей. Кажется, еще немного, и руки друга потянутся к мужчине, чтобы убедиться, что тот настоящий, а не очередная иллюзия.

– И кузен этого слизняка Гранта, – зло прошипела подружка, заставив меня вздрогнуть, а Юнатана – помрачнеть еще больше.

– Осторожнее, жалеет Марьям, – процедил мужчина, и даже с нашего места было видно, как сужается зрачок, а на висках проступает рисунок, похожий на чешую. Наверняка из-за этого рисунка в их мире таких, как Юнатан, называют драконами. Кстати, у Гранта такой рисунок не появился ни разу, хотя были моменты, когда он злился так, что чуть ли не пар из ушей шел. – Грант сейчас в камне и не может за себя постоять. Разве вас не учили, что о том, кто на грани жизни и смерти, не говорят плохо?

Наверняка у моей подружки в родне были такие, как Юнатан, ведь прямо сейчас Марьям готова была выдыхать пламя и крушить все вокруг.

– И не подумаю! Он жив – это подтвердили все маги, каких приглашали в академию отец и король Варанн. А раз так, то говорю открыто: он слизняк и мерзостный паскудник. Но вообще-то, если бы не ты, то ничего бы и не было!

– Что же я такого сделал? – удивился мужчина, нависая грозной скалой над моей подругой. От удивления он даже перестал выглядеть устрашающе, хотя не отступил. – Мы виделись-то всего один раз, не так ли, принцесса?

Так, все верно. Но та встреча имела ошеломляющие последствия.

Шесть лет назад, турнир Сердца Колей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.